

Научная статья

УДК 94 (3)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.4>

ПРЕДСКАЗАНИЯ БУДУЩЕГО В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: МЕЖДУ РАЦИОНАЛЬНЫМ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫМ (К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ МЕНТАЛИТЕТА ЭЛЛИНОВ)

Саркис Суренович Казаров^{1*}, Владислав Борисович Михайлов²

^{1, 2} Южный федеральный университет (д.105/ 42, ул. Большая Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)

¹доктор исторических наук, профессор
ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

²кандидат исторических наук, преподаватель
wlad_27@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-7044-4781>

*Автор, ответственный за переписку

Аннотация. **Введение.** Человеку любой эпохи, в том числе и античной, было свойственно стремление заглянуть в свое будущее. Наиболее распространенным способом получения информации было обращение к оракулам, ответы которых вызывали доверие. С другой стороны, запросы, адресованные богам, позволяют нам понять особенности менталитета греков. **Материалы и методы.** Раскрытие данной темы предполагает сочетание нарративных (труды Геродота, Ксенофонта, Плутарха, Павсания), и эпиграфических источников (свинцовые таблички из Додоны, содержащие вопросы и просьбы, адресованные богам). Основным методом исследования является сравнительно-исторический и метод системного анализа, позволяющий сравнивать и систематизировать содержащуюся в источниках информацию. **Анализ.** Неопределенность побуждает людей пытаться получить знания, которые, по их мнению, необходимы для принятия правильного решения в конкретной ситуации. Для развития этих (предполагаемых) знаний, которые могут относиться к прошлому, настоящему или будущему, требуется внешняя информация. Данные, и интерпретации этих данных необходимы для осмысления мира. Для этого мы можем обратиться к специалистам, таким как психологи, журналисты или экономисты. Их внешняя информация позволяет нам обдумать ситуацию, в которой мы оказались. Это облегчает принятие решений: внешняя информация уменьшает неопределенность, поскольку мы считаем, что руководствуемся надежной информацией. В древнем

мире, особенно в Древней Греции, важной частью этой внешней информации было гадание: признание и интерпретация знаков, которые, как считалось, исходили от сверхъестественного. Результаты гадания внушали чувство уверенности, облегчая принятие решений, которые приходилось принимать в повседневной жизни. **Результаты.** Таким образом, любой грек, от царя до раба — был потенциальным пользователем гадания. Публичное (официальное) и частное (неофициальное) гадание, с экспертом или без него, было очень распространено. Если использовался эксперт, люди либо консультировались с местным экспертом, либо преодолевали большие расстояния, чтобы удовлетворить свою потребность в экспертных знаниях.

Ключевые слова: Древняя Греция, менталитет эллинов, древнегреческая мантика, восприятие прошлого

Для цитирования: Казаров С. С., Михайлов В. Б. Предсказания будущего в Древней Греции: между рациональным и иррациональным (к вопросу о некоторых чертах менталитета эллинов) // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 35–40. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026

Research article

PREDICTING THE FUTURE IN ANCIENT GREECE: BETWEEN THE RATIONAL AND THE IRRATIONAL (ON SOME TRAITS OF HELLENIC MENTALITY)

Sarkis S. Kazarov^{1*}, Vladislav B. Michaylov²

^{1, 2} Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation)

¹Dr. Sc. (History), Professor
ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

²Cand. Sc. (History), Lecturer
wlad_27@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-7044-4781>

*Corresponding author

Abstract. Introduction. People of any era, including ancient times, have always had a desire to glimpse into the future. The most common way to obtain information was by consulting oracles, whose answers were considered trustworthy. On the other hand, the inquiries addressed to the gods allow us to understand the peculiarities of the Greek mentality. **Materials and Methods.** This topic is explored using a combination of narrative (the works of Herodotus, Xenophon, Plutarchus, and Pausanias) and epigraphic sources (lead tablets from Dodona containing questions and requests addressed to the gods). The primary research method is comparative historical analysis and systems analysis, which allows for the comparison and systematization of information contained in the sources. **Analysis.** Uncertainty motivates people to seek knowledge they believe is

necessary to make the right decision in a given situation. Developing this (presumed) knowledge, which may relate to the past, present, or future, requires external information. Data and interpretations of that data are essential for making sense of the world. For this, we can turn to experts such as psychologists, journalists, or economists. Their external information allows us to consider the situation we find ourselves in. This facilitates decision-making: external information reduces uncertainty because we believe we are guided by reliable information. In the ancient world, especially in ancient Greece, an important part of this external information was divination: the recognition and interpretation of signs believed to originate from the supernatural. The results of divination inspired the sense of confidence, facilitating the decisions we had to make in everyday life.

© Казаров С. С., Михайлов В. Б., 2026

Results. Thus, any Greek, from king to slave, was a potential client of divination services. Public (official) and private (informal) divination, with or without an expert, was very common. In case of an expert, people either consulted a local expert or traveled long distances to satisfy their need for expert knowledge.

Keywords: Ancient Greece, the mentality of the Hellenic people, ancient Greek mantics, perception of the past

For citation: Kazarov SS, Michaylov VB. Predicting the future in Ancient Greece: between the rational and the irrational (on some traits of Hellenic mentality). Humanities and law research.

2026;13(1):35-40. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.4>

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article

The article was submitted: 01.11.2025

The article was approved after reviewing: 23.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026

Введение. Неопределенность – это двойственное чувство: иногда люди нуждаются в ней, но гораздо чаще стремятся ее уменьшить. Неопределенность побуждает людей пытаться получить знания, которые, по их мнению, необходимы для принятия правильного решения в конкретной ситуации.

Материалы и методы. Исследование заявленной темы предполагает использование как нарративных (труды Геродота, Ксенофонта, Плутарха, Павсания и т.д.), так и эпиграфических источников, среди которых особое место занимают свинцовые таблички из Додоны, содержащие вопросы и просьбы, адресованные богам [9, р.1–8]. Как отмечала Э. Эйдинов, именно материалы из Додоны дают представление о «социальном конструировании риска в древнегреческой культуре» [6, р.21]. Основными методами исследования являются сравнительно-исторический и метод системного анализа, позволяющие сравнивать и систематизировать содержащуюся в источниках информацию.

Анализ. В древнем мире, особенно в Древней Греции, важным способом получения внешней информации было гадание: признание и интерпретация знаков, которые, как считалось, исходили от сверхъестественного. Гадание было повсеместно распространено в древнем мире: «если древний средиземноморский мир был полон богов, то он был полон и их посланий» [1, р.371]. Результаты гадания внушали чувство уверенности, облегчая принятие решений, которые приходилось принимать в повседневной жизни.

Греческое представление о времени имеет прочную связь с природой: можно сказать, оно биологическое. Каждое живое существо и все человеческие творения предназначены для начала, полной зрелости и конца. Течение времени – жизнь индивида и сама история – рассматривается как падение, неизбежное движение к тленности и концу, и это просматривается на разных уровнях в бесконечных поэтических вариациях на тему зла старости; в мифе о пяти эпохах человеческого рода, изложенном в работе «Трудах и дни» Гесиода, в полибианской концепции циклической последовательности форм правления, которая предвещает неизбежный упадок в будущем даже для самой совершенной из них, «смешанной» конституции римлян [10, р.656]. Повторение монотонного характера этой схемы (хотя детали индивидуальных судеб бесконечно разнообразны) «превращает будущее в

нечто неприятное, стимулирующее, или привлекательное, в определенной степени снижает его интерес и притягательную силу, поскольку ослабляет любопытство и ожидание нового»; поэтому для греков представлялось гораздо более интересным и поучительным заниматься исследованием прошлого, обращать внимание на архетипы (городов, искусств, человеческих рас): и, безусловно, именно по этой причине греческая культура больше любила фантазировать о прошлом, чем о будущем, и поэтому создавала «больше мифов, чем иллюзий» [8, р.24].

Но это, конечно, не означало, что греческий разум был свободен от человеческого любопытства к будущему и желания держать его под контролем, или что он не пытался развивать методы прогнозирования. Наоборот, изучение гаданий, пророчеств, оракулов помогает более четко определить греческое представление о времени: поэтому неудивительно, что даже в этой области (по определению, ориентированной на будущее) греки уделяли столько внимания прошлому, проблеме причин, ответственности и происхождения нынешней ситуации, на основе которой может прогнозироваться и будущее.

Оракулы и оракульные тексты изучались в связи с эволюцией религиозных и культовых практик в Древней Греции, как более или менее надежные индикаторы политико-дипломатической направленности крупных оракульных центров (особенно это касалось Дельф); как повествовательные приемы, используемые древними поэтами, историками и ораторами; как центральные элементы в процессе постепенного формирования местной идентичности. В последние годы их стали рассматривать как ценное свидетельство способов формулирования и представления будущего (и его познаваемости) в данном обществе. С этой точки зрения оракулы и другие формы предсказания будущего предстают как инструменты для минимизации риска, сомнений и беспокойства, а в случае принятия совместных решений – для придания им большей авторитетности и коллективности.

Как нам представляется, мы движемся в рамках дисциплин, которые кажутся нам совершенно иррациональными, ближе к магии, чем к проверяемому знанию, и лишены какого-либо строго технического содержания [4, р.110–112]. Но если мы попытаемся взглянуть на Древнюю Грецию с «эмической» точки зрения, используя термин, принятый в культурной антропологии,

что означает максимальное использование стандартов и системы ценностей, присущих изучаемому обществу, такие различия становятся менее ясными и потенциально вводящими в заблуждение. Поэтому необходима дополнительная аргументация, чтобы объяснить определяющую роль пророчества и гадательных техник в предсказательных дисциплинах древнегреческого мира.

В древних обществах невозможно отличить религиозный опыт от любой другой сферы жизни, от любой другой области, как частной, так и публичной. Как точно заметила Э. Эйдинов, можно увидеть в древнегреческой концепции судьбы, удачи и везения человека, в которой смертное и божественное были неразрывно связаны [5, р.22]. Разделение этих сфер на частные и общественные, а также их специфичность характерны для некоторых современных обществ. В древнем мире обращение к оракулам, принятие жертв и совершение обрядов по правилам, а также принятие клятв были важными процедурами, сопровождавшими важные и рутинные моменты в жизни города-государства или армии в походе. Многочисленные свидетельства – от гомеровских поэм до позднеантичной литературы и огромного количества эпиграфических текстов – подтверждают это наблюдение [10, р. 659].

В толковании «знаков», как и в толковании снов и оракулов, древние разработали формы техники, профессионально задуманного «искусства», практикуемого специалистами. Прорицатель – это, прежде всего, знаток религии, своего рода «техник», практикующий различные способы гадания: исследование внутренностей, интерпретация полета птиц, объяснения земных и небесных явлений, толкование снов и т. д. Перед принятием серьезных решений с ним консультировались лично или от имени гражданской общины. Прорицатель практиковал формы гадания, называемые индуктивными. В порыве вдохновения прорицателя бог говорил устами «пророка»: в этом и есть смысл его слова. Пророк не должен подтверждать свою компетентность: он лишь передавал свой голос богу, и подчинялся требованиям чистоты или даже воздержания; его увлекала только одна вера и приводила в состояние энтузиазма [3, р. 28]. Дельфийская Пифия и другие пророки и жрецы, говорившие «от имени» бога, рассматривались только как ретрансляторы, не несущие ответственности за содержание пророчеств и не знающие их смысла, но существовала целая сеть «техников» гадания и оракульных ответов: от гадателей, сопровождавших царей, государственных чиновников и полководцев при исполнении ими своих обязанностей или контролировавших отдельные моменты общественной жизни, до специальных магистратов, которым в некоторых городах было поручено иметь дело с оракулами (в Спарте, по Геродоту, они носили

особое название пифийцы: избранные царями, они разделяли с ними исключительное знание дельфийских ответов, за хранение которых, в свою очередь, цари несли ответственность) (Herod. VI.57. 3-4). Правда, к некоторым категориям странствующих гадателей относились с подозрением, но в целом к профессиональным прорицателям относились серьезно и неплохо оплачивали за их услуги [2, р.55 и сл.].

Если бы оно основывалось на «систематической организации явлений, причинно-следственной связи с другими повторяющимися явлениями, создании расширяемых теоретических категорий и эмпирических методах использования наблюдений» (согласно авторитетному современному определению), мы бы почти были вынуждены признать его «научную природу», по крайней мере, используя шкалу ценностей, присущую изучаемому нами обществу [11, р.343]. Внутренне согласованная система толкования знаков, лежащая в основе любой гадательной практики, в основном работает так же, как медицинские прогнозы или прогнозы погоды. Разница с точки зрения современного человека (но не древнего грека) заключается в том, что гадание предполагает божественное вмешательство, будь то простые «знаки», которые нужно истолковать, или же реальное пророческое послание. В гадании и пророчестве именно божественное гарантирует передачу той высшей формы знания, к которой в конечном счете стремится каждая научная дисциплина: по словам Ксенофонта, даже Сократ не сомневался в этом фундаментальном предположении (Xenoph. Memor. I. 1.6-9). Для обществ, признающих достоинство пророчества или гадания, поэтому нет логического скачка. Как заметил Ж.-П. Вернан, в обществах, где гадание представляло собой нормальную, регулярную, даже обязательную процедуру, логика оракульных систем была не более чужда общественному сознанию, чем функция прорицателя. Рациональность, проявляющаяся в гадании, в этих цивилизациях не представляла собой отдельный сектор, изолированное мышление, в отличие от форм рассуждения, регулирующих практику права, управления, политики, медицины или повседневной жизни. Вместо этого оно органично вписывается в общую социальную мысль, подчиняясь в своих интеллектуальных процедурах аналогичным нормам, подобно тому как статус прорицателя представляется очень строго сформулированным в иерархии функций по отношению к функциям других социальных субъектов, ответственных за жизнь группы [13, р. 10].

Действительно, многие древние авторы демонстрируют убеждение, что сами пророческие предсказания – это часто таинственные слова, которые бог передает через пророка, не являясь набором нелогичных звуков, которым только коллективное суеверие может придать

полный смысл, представляют собой высшую форму логического и рационального мышления. Другими словами, бог задает людям логически построенные загадки, чтобы стимулировать их мышление и позволить им достичь более высокой формы знания.

Плутарх предлагает нам такую «этническую» перспективу, какую только можно пожелать: перспективу знатока и жреца святилища. Он изображает Аполлона, сочетающего в себе качества пророчества и рационального мышления (поэтому бог является не менее философом, чем прорицателем), его «загадки» выражают высшую степень логики: бог, далекий от случайного бросания игральных костей, рационален в высшей степени. Плутарх приводит конкретные примеры: когда Аполлон через оракула приказал удвоить размер алтаря в святилище Дейоса, поставив перед своими толкователями сложную геометрическую задачу, он сделал это не для того, чтобы запутать греков или развлечься за их счет, а, чтобы «побудить их к изучению геометрии», и, бросая вызов людям, предлагая им истолковать его неоднозначные ответы, бог «увеличивает и организует логическое мышление, необходимое тем, кто хочет правильно понять бога»). Для Плутарха не только нет противоречия между пророческим языком и рациональным мышлением, но и предсказание будущего – это операция, основанная прежде всего на рациональном знании прошлого и настоящего.

Как уже упоминалось, и отдельные личности, и представители городов-государств проводили консультации в Дельфах и в Додоне. Оракулы, консультации с божествами, слово бога, передаваемое устами пророка, являются мощными повествовательными механизмами. Поэтому неудивительно, что упоминания о консультациях с оракулами так распространены в античной литературе от гомеровских поэм до трагической поэзии, от лирической поэзии до историографии. И, прежде всего, в традиции доминирует Дельфийский оракул: современные издания ответов, приписываемые Пифии, насчитывающие несколько сотен текстов [12], в основном опираются на свидетельства античной литературы: среди наиболее значимых источников, помимо христианских авторов, открыто полемизировавших с обычаями языческой религии, таких как Иоанн Златоуст, следует, по крайней мере, упомянуть труды Геродота и «Дельфийские диалоги» Плутарха, упомянутые выше.

В рамках этой обширной и неоднородной литературной традиции преобладают повествования, созданные постфактум, которые приписывают оракулу подлинную способность предвидеть или даже предугадывать будущее, выражая предсказание в словесной форме, в основном в поэтической форме. Состояние источников по самым известным греческим оракулам оказывает значительное влияние на наше по-

нимание прогностических и коммуникативных техник мантики в целом, характера задаваемых вопросов, а также происхождения и характеристик клиентов: хотя многие частные лица, безусловно, обращались в Дельфы и Додону за советом, дошедшие до нас свидетельства (в силу самой природы источников) сосредоточены, прежде всего, на публичных консультациях, в основном касающихся вопросов первостепенной важности. К оракулам обращаются по поводу важных внешнеполитических решений и деликатных конституционных реформ, введения новых культов, основания святилищ, принесения жертв или, очень часто, «колониальных» предприятий – миграции греков в земли, более или менее удаленные от родины). Часто встречающийся сценарий, который служит для объяснения ритуальных или священных предписаний, восходящих к Аполлону, – это желание предотвратить катастрофу, угрожающую или затрагивающую общину (голод, эпидемии, засуха). В этой богатой литературной традиции немало случаев, когда Пифию спрашивают, можно ли узнать что-либо заранее [10, р. 662]. Почти все ключевые моменты греческой истории – начиная с мифических событий, таких как Троянская война, в античной литературе связаны с ответами в Дельфах.

В Додоне, в отличие от Дельф, сохранились письменные записи об оракульных консультациях: среди прочего, выясняется, что к Зевсу и Дионе (божеству, которое делило эпирское святилище с Зевсом) обращались не столько за предсказанием будущего, сколько для лучшего понимания настоящего и получения совета относительно принимаемых решений, или просто для того, чтобы окончательно принять решение. Предположение о том, что в Дельфах ситуация была аналогичной, основывалось на известном свидетельстве Ксенофонта, который в последние годы V в. до н.э., решив присоединиться к другим греческим наемникам в военной экспедиции, когда царь Кир, претендент на персидский престол накануне выступления против своего брата Артаксеркса, обратился к Пифии не с вопросом о том, что с ним случится или уместно ли ему уезжать, а с вопросом о том, какому богу он должен принести жертвы и вознести молитвы, чтобы наилучшим и наиболее удачным образом завершить задуманное путешествие и вернуться целым и невредимым»: хитрый способ обойти возможное противодействие оракула, за что учитель Сократ не преминул его упрекнуть (Xenoph. Anab. III.1. 5-8).

С другой стороны, додонские таблички подтверждают, что к великим оракулам обращались и на государственном, и на общественном уровне (хотя последнее гораздо реже) с вопросами подобным тем, по которым в литературе, посвященной Дельфам, построено так много сложных и, скорее всего, вымышленных,

повествований: война и мир, дипломатические соглашения, политические и религиозные реформы, «колониальные» предприятия. Способ обращения к оракулу, по-видимому, схож с тем, который уже рассматривался для частных консультаций: в большинстве случаев уже принятое решение представляется Зевсу и Дионе, или же рассматривались возможные альтернативы. Интересный пример касается темы, также очень распространенной в Дельфийской традиции, а именно, о выводе колоний и оснований апойкий: вероятно, группа лиц в IV в. до н.э. просит Зевса и Диону подтвердить возможность поселиться «именно в стране Хемариоев». Возможно, эти люди, в отличие от того, что сделал Ксенофонт в Дельфах перед отправкой в экспедицию десяти тысяч, первоначально спрашивали Додонский оракул только о возможности отъезда, а теперь же они представили богам более точный выбор, в том числе и в географическом плане; возможно также, что они просили подтверждения относительно места назначения, которое их не убедило, или в котором их попытка поселиться ранее закончилась неудачей [9, пг. 131]. Анализ источников из Дельф и Додоны, двух групп собраний совершенно разных материалов, причем обе, в частности, имеет совершенно разную историческую ценность, но, полезных для взаимного сопоставления, дает представление о социальном, психологическом, а также религиозном значении, которое имели великие оракульные центры в древнегреческом мире. Это значение, безусловно, очень высокое в архаическую эпоху, по-видимому, сохранилось вплоть до римской эпохи, пережив более или менее нетронутой трансформацию религиозных чувств и культовых обычаев на протяжении ряда веков. Цитируя краткую и блестящую формулировку проблемы, недавно предложенную М. Ниссином, который писал: «Гадание, как правило, ориентировано на будущее, не обязательно в смысле предсказания будущих событий, а как метод борьбы с тревогой по поводу неуверенности в жизни и преодоления риска, порождаемого человеческим невежеством» [11, р. 341]. В капитальной монографии К. Бирдена о греческом гадании в сравнении с другими контекстами древнего мира есть целая глава под названием «Управление неопределенностью», в которой убедительно доказано, что предпочтительнее говорить о «неопределенности», а не о «риске» (очень популярная категория в социальных науках, применяемая к современным обществам) при обсуждении функции древнего гадания и оракулов. Понятия «риск» и «оценка риска», по сути, предполагают статистические и вероятностные вычисления, совершенно чуждые передовым математическим знаниям греческого мира. [2, р. 195]. Если начать с базового уровня оракульных ответов, которые, безуслов-

но, носят исторический характер, и прежде всего с тех, которые записаны на табличках Додоны, то, прежде всего, как мы видели, все индивидуальные и частные консультации подробно освещены: круг вопросов, находящихся в центре забот простых людей, по которым люди у божества искали утешения или подтверждения, простирается от здоровья до семейных проблем, от управления бизнесом до решения об эмиграции [9, пг. 118]. При всем уважении к Плутарху, как мы видели, это, должно быть, были и самые часто задаваемые вопросы Дельфийскому оракулу. Еще более удивительно, что в додонских надписях есть особая категория вопросов, затрагивающая правовые и юридические темы: здесь мы видим в мельчайшей форме, что обращение к оракулу во многих случаях, не для того, чтобы узнать будущее, а служит для исправления ущерба настоящего, для его лучшего понимания и, возможно, для того, чтобы избежать неопределенного и дорогостоящего юридического конфликта. В некоторых случаях оракул спрашивает о виновности, кого-либо в случаях кражи, отравления, убийства. Религиозный ответ, слово божье, во многих случаях воспринимался, как более успокаивающий, чем правовые нормы, или, по крайней мере, не противоречащий последним и, безусловно, представлял собой – как и во всех обществах, а не только в древних, – психологическую поддержку, к которой можно было обратиться в трудные моменты жизни или при столкновении со сложным выбором [10, р. 660].

Полисные магистраты, полководцы, правители и города использовали методы предсказания, как инструменты для «управления неопределенностью», решения сложных вопросов путем обращения к высшей власти и предотвращения или смягчения социальных конфликтов. Как в частной, так и в публичной сфере использование гадания и пророчества, по-видимому, тесно связано с механизмами принятия решений, позволяя им справляться с кризисами и предпринимать сложные инициативы. И снова эпиграфические источники представляют особенно ценными, поскольку они, безусловно, современные событиям, которые они описывают, и подвержены меньшей степени манипуляциям.

Гадание было широко распространено в древнем мире: «если древний средиземноморский мир был полон богов, он был полон и их посланий». Мы знаем, что каждый – от царя до раба – был потенциальным пользователем гадания. Публичное (официальное) и частное (неофициальное) гадание, с экспертом или без него, было очень распространено. Если использовался эксперт, люди либо консультировались с местным экспертом, либо преодолевали большие расстояния, чтобы удовлетворить свою потребность в экспертных знаниях.

Результаты. Таким образом, древние греки по своему менталитету, мало чем отличались от современных людей. Как справедливо заметила в одной из своих монографий Э. Эйдинов, с одной стороны греки были похожи на нас, но с другой не были полностью подобны

нам [5, р. 9]. Им было свойственно острое желание заглянуть в свое будущее. Для этой цели служили оракулы, которые пользовались большим авторитетом, а одним из средств познания будущего было гадание.

Литература / References

1. Aune DE. Divination and prophecy // *Religions on the ancient World* / ed. S.I. Johnston. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 370 – 391
2. Beerden K. *Worlds full of signs. Ancient Greek divination in context*. Leiden-Boston: Brill, 2013. 248 p.
3. Cabouret B. La religions des Grecs // *De Zeus a Allah. Les Grandes religions du monde Meditteraneeen* / ed. Y. Le Bohec. Nantes: Du Temps, 2004. P. 13-52
4. Dodds ER. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley-Los Angeles – London, 1951 University of California Press, 1951. 327 p.
5. Eidinow E. *Oracles, curses and risk among the Ancient Greeks*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 533 p.
6. Eidonow E. Oracular consultation, Fate and the Concept of the Individual // *Divination in the Ancient World: Religious Options and the Individual* / Ed. V. Rozenberger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. P. 21-39
7. Flower MA. *The Seer in Ancient Greek*. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008. 305 p.
8. Hanna R. *Time in Antiquity*. London-New York: Routledge, 2009. 224 p.
9. Lhote E. *Les lamelles oraculaires de Dodone*. Geneve: Librairie Droz. 2006. 454 p.
10. Mari M. Gli oracoli nella Grecia antica. Previsione del futuro o gestione dell presente? // *Quaderni Storici*. Nuova Serie. Anno LII, Fasc. 3, 2017. P. 655-680
11. Nissinen M. Prophecy and Omen Divination. Two Sides and the Same Coin // *Divination and Interpretation of signs in the ancient world* / ed. Annus A. Chicago: University of Chicago, 2013. P.341 – 347.
12. Parke HW, Wormell DEW. *The Delphic Oracle*. Oxford: Blackwell, 1956. 707 p.
13. Vernant J.-P. *Divination et rationalite*. Paris: Editions de Seuil, 1974. 318 p.